

в 30-х годах XVI в.¹¹ Однако в среде новгородского духовенства, как это следует из летописи, они приписывались по преимуществу злой воле дьяка Я. В. Шишкина и его товарища.

Серьезное нарушение интересов церкви в Новгороде произошло в 1536 г., когда здесь была проведена частичная секуляризация монастырских и церковных земель. Согласно летописному рассказу, приехавший из Москвы сын боярский конюх Бунда «повеле пожни у всех монастырей отписать около всего града и у церквей божиих во всем граде и давати их в бразгу, что которая пожня стоит, тем же монастырем и церковником».¹² Таким образом, земли, отобранные у монастырей и церквей, отдавались им же в аренду («в бразгу»), чем достигалось увеличение государственных средств. Если следовать только рассказу Новгородской летописи, то может создаться впечатление, что отписка земель осуществлялась лицами, приехавшими из Москвы. Однако обращение к составленным по этому поводу отписным книгам показывает активную роль местной администрации в проведении конфискации. На первом месте в них стоит имя дьяка Фунника Курцева, находившегося под началом у дьяка Якова Васильевича Шишкина, на втором — имя дворцового дьяка Никиты Великого, и только затем уже идут имена великокняжеского конюха Бунды Бикасова и лавочного приказчика Ивана Иванова. У церквей и монастырей отбирались земли, на которые у них отсутствовали великокняжеские грамоты и которые не были записаны за ними в писцовые книги. Купчие и духовные XV в. и более раннего времени («грамоты ... и духовные грамоты старые за свинчатыми печатми») на эту землю были у монастырей и церквей взяты и отосланы в Москву.¹³ Конфискации захватили земли не только новгородского духовенства, но и посадских людей.¹⁴ К последним применялись те же принципы, что и к церквям и монастырям. Причем на государя отписывались земли даже в том случае, если их владельцы в свое время предъявляли документы к докладу администрации Ивана III.¹⁵

По справедливому замечанию В. О. Ключевского, в данном случае произошла замена «местных новгородских источников права новыми, московскими».¹⁶

Новгородский летописец, сообщая о приезде из Москвы великокняжеского конюха Бунды и об отобрании земель у монастырей и церквей, добавляет, что «се учинилось по оклеветанию некоего лукава и безумна человека», не указывая, впрочем, его имени. Этот человек, предложивший отбирать земли у церковников, очевидно, обладал большим влиянием, если к его голосу прислушивалось московское правительство, и отлично понимал, что его предложение найдет сочувствие. Не имел ли здесь в виду летописец Я. В. Шишкина, первого новгородского дьяка, имя которого он по вполне понятным причинам предпочел не называть?

Большое значение для характеристики положения в Новгороде в середине 30-х годов XVI в. имеет январское послание 1535 г. игумена Хутынского монастыря Феодосия новгородскому архиепископу Макарию, находившемуся тогда вместе с тремя епископами в Москве на важном заседании, обсуждавшем вопросы о войне с Литвой и «о земских делах», в част-

¹¹ И. И. Смирнов, Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958, стр. 45—50.

¹² ПСРЛ, т. VI, стр. 299.

¹³ ЦГАДА, ф. Поместный приказ, писцовая книга по Новгороду, № 707, лл. 1—21.

¹⁴ Там же, лл. 28—53 об.

¹⁵ Там же, л. 30 об.

¹⁶ В. О. Ключевский, Сочинения, т. 8, М., 1959, стр. 215.